

Президент РАН Владимир Фортов: «В науке остались только оптимисты»

Доживём до 100? Валентина Оберемко, «АиФ»: Владимир Евгеньевич, чего больше - хорошего или плохого - 2014 год принёс нашей науке? - Год был тяжелейшим за всю историю Академии наук. В прошлом году началась реформа академии. Поскольку она проводилась в спешке и без учёта мнения учёных, возникают большие трудности, которых можно было бы избежать. Казалось бы, простая вещь - передать управление хозяйством от одной организации другой. Но, учитывая, что в нашем обществе сильна роль бюрократов, людей, которые не помогают, а вредят, нам было очень трудно работать. - Вообще ходили разговоры о том, чтобы упразднить Академию наук: мол, в стране прежде всего надо развивать прикладную науку, а не фундаментальную.

Андрей Гейм: «С российской наукой надо что-то делать»

- Граница между фундаментальной и прикладной науками очень условна. Если есть хороший фундаментальный результат, он всегда находит практическое применение. Возьмите ядерную энергетику: в начале века изучение строения ядра было разделом фундаментальных исследований химии. Но всего за 6 лет, казалось бы, абстрактные работы привели к современной военной и гражданской атомной энергетике, определяющей сегодня весь облик современной цивилизации. Да и все достижения, которыми мы пользуемся сейчас, начиная от лекарств и заканчивая мобильными телефонами, - это результаты науки. Сегодня наша страна является ведущей энергетической державой мира. Но надо помнить, что залежи углеводородов в Восточной Сибири, которыми мы сейчас пользуемся (а у нас до 55% бюджета наполняется за счёт углеводородных ископаемых), были открыты учёными Академии наук. Электричество, космос, медицина, телекоммуникации, Интернет - всё вышло из фундаментальной науки. За последние годы средняя продолжительность жизни увеличилась на 10 лет, а в развитых странах перешагнула 80-летний рубеж. Это всё благодаря научным достижениям, потому что те болезни, которые раньше сводили в гроб людей в 30-35 лет, побеждены наукой навсегда. И речь идёт о том, чтобы продлить среднюю продолжительность жизни человека за 100 лет, приблизившись к возрасту библейских пророков. Именно учёные повысили урожайность растений в десятки раз и навсегда избавили человечество от перспективы голода. Физики, создав ядерное и термоядерное оружие, сделали глобальные конфликты невозможными, обеспечив самый длительный мирный период человечества. Но у нас в стране ситуация с наукой остаётся проблемной. В нашем производстве доля инновационных продуктов менее 1%, а в Европе, Японии, США - 70-80%!

Бесконечная нефть. Она будет у нас, пока не остынет Земля

- Да, у нас пока предпочитают «нефтяную иглу»... - Сама по себе сырьевая ориентация - это не горе. И хорошо, что Россия имеет большие природные ресурсы. Другое дело, как ими распорядиться. Что делают страны Ближнего Востока? Деньги, которые они получают от нефти, направляют на образование, научные исследования, строят новейшие научные центры, университеты. Нам сегодня сложно оценить, какие у России горизонты как у научной державы. Наши перспективы связаны с главным нашим ресурсом - людьми. В России есть очень талантливые, грамотные специалисты, которые ценятся во всём мире. Откройте любой научный журнал, посмотрите состав редколлегии, состав лауреатов научных премий и конкурсов - там много русских фамилий. Проблема в том, что эти люди за границей пользуются спросом, а у нас слабо востребованы. Ведь, несмотря на бодрые рапорты и доклады чиновников, зарплата профессора у нас униженно мала. Сегодня, когда мы поставлены в новые условия санкциями, настало время серьёзно пересмотреть наши приоритеты и механизмы управления наукой, техникой и инновациями. Западная модель. Российским учёным придётся бороться за гранты. Подробнее Выше планки - Но, если научные кадры у нас так хороши, почему в стране долгие годы нет ни одного нобелевского лауреата? Или нелюбовь мира к России переходит и на науку? - Почему же? В 2010 г. была Нобелевская премия Константина Новосёлова и Андрея Гейма. На Запад они уехали не от хорошей жизни, я не могу их осуждать. И сейчас в стране есть хорошие работы нобелевского класса - просто надо набраться терпения и подождать. Но, конечно, не создав систему, которая вытягивает молодые таланты наверх, мало на что можно рассчитывать.

Потерянное достояние. Русские ученые-эмигранты, которые изменили мир

Что касается политики, то мне кажется, что не так важно, любят страну или нет. Если есть результат мирового класса, его не скроешь. Возьмите Жореса Алфёрова. Он всегда честно отстаивал свои убеждения. Научный результат Алфёрова настолько важен для науки, что ему была присуждена премия. Просто надо прыгать выше планки. - Есть ещё извечная проблема нашей науки - мизерное финансирование. В США, например, научные разработки спонсирует бизнес, а у нас олигархи хоть чем-то делятся с наукой? - Ничтожно малым. Это серьёзнейшая проблема! Наука США на 60-70% финансируется негосударственными источниками. У нас же в этом плане совсем другая картина - на

науку выделяется примерно 1% ВВП. По этому параметру мы на 25-м месте в мире - между Словенией и Грецией. Фундаментальная наука - «долгоиграющая пластинка», а бизнес должен получить прибыль «здесь и сейчас». В своё время Михаил Прохоров спонсировал работы по водороду в Академии наук, направив на это десятки миллионов долларов. Была большая польза. Но таких примеров немного. - Но хоть какой-то оптимизм у наших учёных остался? - Конечно, как сказал классик: «У нас в науке остались o­птимисты, так как пессимисты уехали».